

Дальнейшее я помню довольно смутно. Пелена гнева, разочарования в маме, ее беспомощный вид и неприкрытая нагота бывалой шлюхи стерли представление о ней как о близком и родном человеке, о матери. Я видел перед собой продажную телку с маленькими грудями, спящую после бурной ночи с купившими ее потребителями, видел пизду, в которую может залезть каждый, у кого есть три тысячи рублей, видел ноги, которые она раздвигает перед кем угодно, лишь бы он потребовал, видел рот и живот, по которым текла чужая сперма, пахучая, порой нечистая или заразная. Я ненавидел, стыдился и презирал ее! А хуже всего было то, что она была красива и эта красота так дешево ценилась ей. Но мной теперь она ценилась еще меньше и я делал то, что только мог представить мой воспаленный мозг. Киря при этом от меня не отставал.

Утро. Я не спал всю ночь. Каки когда ушел Киря я не помню. Помню, что мы с ним выпили по полстакана водки и курили на балконе ночью в перерывах между оргазмами и всякими манипуляциями с телом мамы. Я сижу на кухне, в моих реках фотоаппарат, на котором я с ужасом и возбуждением разглядываю фотографии вчерашней оргии и память постепенно возвращает мне детали все более и более отвратительные и развратные...

... Вот мама по-прежнему на спине, раскинутая на разложенном диване. Глаза прикрыты, рот как в беззвучном крике показывает белые зубки, сжимающие головку Кириноного члена. Сам Киря сидит голый жопой на ее лбу и руками вставляет полуопавший хер в мамины губы.

... Вот уже крупно видна сперма на ее языке. Киря растянул губы Николаши до предела руками, обнажая будто бы собачий оскал течной сучки.

... Вот ноги согнуты в коленях и широко разведены в стороны, вульва приоткрыта, на ней тоже видна сперма или слюна.

... Мой член зажат босыми ступнями мамы. Я помню шероховатость ее подошв, помню как неистово надрачивал зажатými в руках стопами свой стручок, как спустил на ее пальцы.

... На маме бежевые туфли и чулки черного цвета. Она часто их носит в школе, надевая под юбку. Она лежит на животе, повернув голову на бок. Из влагалища торчит огурец, из ануса — ее шариковая ручка перламутрово-синего цвета. Позже мы эти предметы вставили в ее рот, оставив в нем немного слизи и желтоватого кала.

... Вместо огурца из мамы торчит кухонная тряпка, мокрая и пахнущая прелыми отходами со стола. От нее на простыне, наверняка, остались следы, но мне сейчас не до них.

... Крупным планом снята пизда, широко растянутая вставленной в нее пустой водочной бутылкой, горлышком наружу. Через прозрачное дно и стенки видны складки вагины и шейка матки с темнеющим отверстием. Бутылку надо выкинуть, не забыть.

... Киря держит мать подмышки, а я засунув под нее ногу ввожу пальцы стопы внутрь Николаши. Какое я тогда ощутил тепло на холодной влажной от пота ноге!

... Вот мы одели маму в ее обычную школьную одежду и оголяем ее, посаженную в кресло так, что постепенно она как бы сама задирает юбку, опускает руки между ног и отводит в сторону трусики, расстегивает блузку и оттягивает ее вниз, обнажая грудь с родинкой посередине.

... Туфельки оказываются в неподходящем для них месте. Одна — во влагалище, почти до самого острого каблучка, а вторая — в открытом рту. Слюна тягучей струйкой стекает по

лакированному боку и капает на ложбинку между грудей. При всем этом мы постоянно ее трахали в рот или в пизду. Засунуть член в очко получилось только у меня. Киря побрезговал. Но это того стоило! Тугое и крепкое объятие ее ануса несравнимо лучше скользкой и легкой ласки влагалища! Спермы у нас уже не было, только какая-то прозрачная вода каждый раз брызгала мелкими струйками на мамино тело. Внутри не кончали, даже в угаре понимая, что это очень серьезно. Ну и драчили до посинения залуп. Сейчас член был натерт до болячек и распухшая крайняя плоть висела как нос у индюка.

Кажется, что этим фото не будет конца! И смотреть я готов был их вечно. Но нет, все обрывает шорох из передней, заставив судорожно убирать фотик и прятать в штаны вынутый член. Как-то само по себе получилось, что я начал дрочить пока разглядывал фото вчерашнего бедлама. Маму мы привели, вроде бы, в нормальное состояние, одели трусы и рубашку, но всего не спрячешь и я с ужасом ждал момента, когда она зайдет в кухню. Я не знал как смотреть на нее и что говорить. «Доброе утро»? А получится?

Она вошла, приглаживая растрепанные волосы и глядя мимо меня остекленевшими глазами. Молча выпила воды и села за стол.

— Да почему голова-то так болит?

— Доброе утро. — Голос не подвел, но вышло сухо и не по-домашнему.

— Что?

Надо было быстро исчезнуть.

— Я в школу.

— Иди... Мне к третьему уроку. Увидимся.

У нас ее урок был четвертым. Мама зашла в класс молча, опустила на стул и достала учебник. Пауза повисла невыносимая для нас с Кирей. Остальные вряд ли обратили на нее внимание. Рот друга был открыт как у дебила, только что не мычал. Он уставился под учительский стол на те самые туфли, руки теребили лист тетради.

— Здравствуйте. Сегодня пишем проверочную работу по последней теме.

— Ирина Николаевна, мы же ее еще не закончили! — Порываева попыталась поправить учительницу.

— Ничего. Я проверю только пройденное.

— Итак, вопросы для первого варианта...

До меня ее голос доносился издали, я был не в классе, я видел вместо исторички ее обнаженное тело с Кириным хуем во рту и бутылкой в пизде.

— Разрешите выйти. — Я не мог больше переносить ее присутствие.

— Иди.

Выбежав из класса, я пошел в туалет и заперся в кабинке. Сел на опущенную крышку унитаза, достал член, который сразу напрягся, вызывая боль в натертой головке и коже. Я дрочил, прислушиваясь к шорохам и звукам, чтобы не спалить себя. Дверь толчка хлопнула и кто-то занял кабинку рядом.

— Ты тут? — Киря тоже, видимо, был не настроен писать проверочную

— Тут.

— Как она?

— Вроде ничего не заметила. Не знаю, я свалил побыстрее с утра.

— Я на нее смотреть не могу. Хуй как деревянный.

— Что дальше делать будем?

— Ничего. Опять что ли ее усыпить? Второй раз не прокатит. Она не дура. Что-то почувствует.

— Может ее в реале развести?

— Это как?

— Есть фотки, компромат там всякий, Эльвира эта.

— И что, придем и скажем: — «Эльвира, давай отсоси»?

— Нет, есть другая мысль.

Мысль была незатейлива, но сработать могла. Киря предложил сначала маму довести до готовности шантажом. На следующий день мать, открыв свою сумку в классе обнаружила лист с фото голой Эльвиры, на котором разместились фотография женщины, лобок которой украшала тату известного содержания. Я не сводил глаз с мамы и когда она судорожно скомкала лист и сунула обратно чуть не кончил! Лицо Николаши покрылось пятнами, ноги в брюках поджались под стулом, она то брала сумку, то снова ставила ее на пол. Она была жалкой! Эта тварь поняла свой провал и не знала как себя вести. В записке было напечатано, что некто ждет от нее признания в том, что это ее фото, ответ должен быть прислан на электронную почту. Иначе ее история будет выставлена на обсуждение на одном известном своей развязанностью интернет-ресурсе.

Ответ на записку Кире пришел тем же вечером. Киря читал его дома, а я, сидя в комнате, наблюдал как мама пишет его, развернув от меня монитор ноутбука. Она была в той же школьной одежде, ей было не до переодевания. Губы шептали какие-то слова, напряженное личико светилось бледностью, глаза распахнуты шире обычного, ножка под столом нервно выбивала дробь пальчиками по полу.

— Кто Вы и что хотите?

— Не важно. Важно, что я знаю КТО ВЫ. Хочу пригласить Вас на встречу на моих условиях. В замен обещаю молчать о Вашей личной жизни. Бойтесь потерять ее!

— Я согласна. Где и когда?

— Не спешите. Завтра отвечу.

Киря вечером ждал меня у подъезда.

— Готова!

— И что? Дальше-то как?

— Я все придумал! Видел сарай у автосервиса? Всегда открыт. Она заходит одна, завязывает глаза и мы молча ее ебем и сваливаем!

— Офигеть план...

— Сомневаешься? Тогда я один.

Ладно. Пиши ей, Достоевский. Я согласен.

Назавтра мама получила от своего тайного поклонника следующее сообщение: «Сарай у автосервиса. Сегодня в 23.00. Завяжите глаза и ждите. Попытайтесь снять — обещаю разослать письма о Вас Вашим ученикам. Их контакты есть». Мама засобиралась КУДА-ТО часов в десять. Одеда длинный легкий плащ, невысокие сапожки, синюю блузку и голубую неширокую юбку.

— Сынок, я к тете Лене за косметикой. Буду к двенадцати.

— Хорошо, мам.

Выждав как на иголках минуты три я поспешил за ней. Мама дошла до сарая, постояла в свете бледного фонаря пару минут и зашла внутрь. Киря тронул меня за плечо:

— Приплыла, сучара!

— Блять, Кирия. Я все понимаю, но это моя МАМА!

— Ладно, не кипятись. Сейчас это будет твоя подстилка. Ха-ха! Только молчи!

Почему-то слова Кири и сам он были мне не приятны. Но я забыл про эту обиду как только увидел мамку в свете яркого светодиодного фонарика в руках этого хама. Свет бил ей в лицо с завязанными шарфом глазами и даже если бы она могла смотреть на нас, то не увидела. Фонарь надежно прятал нас, ослепляя ее. Мама стояла у стены, придерживаясь за пустую ржавую железную полку. Кирия шагнул к маме и надавив на плечи опустил на колени.

— Это Вы? Не молчите!

— Что мне делать? Кто Вы? Сколько Вас? Вы не один?

— Почему Вы меня преследуете? Я знаю Вас?

— Ну же! — Маму начало мелко трясти. Она повернула голову в мою сторону и я замер от ужаса! Она, если бы могла, смотрела прямо мне в лицо. Но Кирия не дал ей долго говорить. Он приблизился, провел ладонью по ее волосам и, надавив на скулы заставил открыть рот. Вжикнула молния на его ширинке и выпрыгнувший член уперся в щеку мамы. Он оттянул кажу на головке и даже я ощутил запах немытого члена в пыльном сухом воздухе сарая. Мама попыталась отвернуться, но Кирия обхватив ее голову резко втокнул хуй ей в ротик. Губки маленького рта как и тогда в моей квартире натянулись на член, рот открылся еще шире, образовав милые и знакомые ямочки на щеках. Мама, наверное, старалась быстрее покончить со всем этим и сосала так, как не в каждой порнухе можно увидеть. Она вращала головой, тербила мошонку Кири и додрачивала ствол его хуя рукой. Я не мог больше сдерживать себя и тоже вытащил член, встал сзади и задрал подол ее юбки да пояса. Мама опустилась на четвереньки, Кирия встал на колени. Мама уже не сосала ему, Кирия просто ебал ее в рот! Я же вошел в мамино лоно аккуратно, удивившись тому насколько оно скользкое. Мама текла, как самка! Она больше ничего не спрашивала, она просто еблась для удовольствия! Ее ножки скребли по земляному полу, руки удерживали ее от падения вперед. Я успел вытащить хуй, прежде чем кончил внутрь, сперма перелетела через мамину спину и прилипла к волосам. Кирия тоже захрипел и выпустил в ее рот свою струю. Потом он толкнул Маму набок, она завалилась, а мы опрометью выбежали из сарая.

— Ты чего не спишь? — На часах было начало первого, я сидел за компом когда она вошла.

— Уроки забыл доделать.

— Давай заканчивай скорее.

Колени мамы были в пыли, волосы растрепаны, блузка помята и в пятнах на спине. Видимо, не все мое содержимое долетело до головы. Она пошла в ванную. Я бы не смог больше сказать ей ни слова, поэтому быстро залез в кровать и повернулся к стене. Надо ли говорить, что до утра я почти не спал и раз пять еще подрочил?

Утром мама опять была встревоженной и рассеянной. Она знала, что на этом вряд ли ее приключение закончится. А я точно был в этом уверен.

— Слышь, я вот что придумал... Мы на Николаше можем нехило заработать! Товар уже готов, осталось найти на нее покупателя. И она уже приучена. Почти ничего не надо менять.

— Ты бредишь?!

— Смотри. Ты мне теперь не нужен. Без тебя справлюсь.

— Постой! А что ты хочешь?

— Будем устраивать с ней встречи за деньги. Только деньги не ей а нам.

— Я против!

— А мне похер! Она так работала уже. Пусть еще поработает. Только на меня.

Вот теперь я понял, что точно попал...

Продолжение следует.